

МИР ИЛИ ВОЙНА? АЛЬТЕРНАТИВЫ 1939 ГОДА

А. Г. Иванов¹

В статье анализируется предыстория Второй мировой войны. В центре внимания автора — европейский кризис 1939 г. и вызванные им дипломатические инициативы: англо-французские гарантии странам Восточной Европы, переговоры между СССР, Великобританией и Францией, советско-германский пакт о ненападении. Гарантии явились ответной реакцией правительств Чемберлена и Даладье на ликвидацию Чехословакии Германией и последовавшие вызывающие акции Гитлера по отношению к Польше и Румынии. Как свидетельствуют архивные документы, они не имели реального содержания и предназначались для того, чтобы сдержать Гитлера и успокоить общественность. Вскоре последовали англо-франко-советские переговоры, которые при определенных условиях могли привести к созданию большого антигерманского союза, но в силу целого ряда обстоятельств переговоры завершились безрезультатно. Одной из причин неудачи переговоров было нежелание Великобритании и Франции идти на тесное военно-политическое сотрудничество с СССР и стремление договориться с Германией за счет Польши, используя для этого политику умиротворения. Автор на основе архивных документов анализирует дипломатическую борьбу весной и летом 1939 г. и пытается дать ответ на вопрос, почему не удалось создать антигерманский союз с участием в нем великих держав. Его образование позволило бы остановить агрессора — нацистскую Германию и не допустить глобальной катастрофы.

Одной из наиболее дискуссионных проблем предыстории войны является советско-германский пакт о ненападении. Анализ документов и новейшие публикации позволяют автору сделать вывод, что инициатива заключения пакта, как и секретного дополнительного протокола к нему, исходила от немецкой стороны. Что касается СССР, то Сталин колебался и вплоть до середины августа 1939 г. не принимал окончательного решения. Другой вывод, который делает автор на основе анализа альтернатив 1939 г., — пакт Молотова-Риббентропа не повлиял решающим образом на решение Гитлера напасть на Польшу и развязать Вторую мировую войну.

Ключевые слова: политика умиротворения, гарантии, переговоры, европейский кризис, соглашение, правительство.

Летом 1939 г. Европа пребывала в состоянии нервного ожидания. Германия после ликвидации Чехословакии 15 марта заметно усилила свой военно-экономический потенциал и нависла зловещей тенью над Восточной Европой. Следующей жертвой нацистской агрессии должна была стать Польша — Гитлер недвусмысленно дал это понять 28 апреля в выступлении в рейхстаге,

¹ Иванов Александр Гаврилович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Эл.почта: ivanov@kubsu.ru

когда он расторг германо-польскую декларацию 1934 г. о неприменении силы. Таким был ответ фюрера на англо-французские гарантии Польше, которые рассматривались правительствами Н. Чемберлена и Э. Даладье как средство сдерживания Германии. Они предназначались также для успокоения общественности, а она была возмущена ликвидацией Чехословакии Германией и настаивала на принятии решительных мер против агрессора. Атмосферу тех дней в Англии очень точно передал советский полпред И. М. Майский в сообщении в НКВД СССР 20 марта: «Аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее, вплоть до кругов, представляемых «Таймс». Политика «умиротворения» в сознании широчайших масс мертва. Случилось то, чего больше всего старался избежать Чемберлен: между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны» (Год кризиса 1938–1939, 1990).

Невозможность соглашения с Гитлером в условиях острейшего кризиса осознавали и сами умиротворители, тем более что нацистская агрессия развивалась стремительно: уже вскоре Германия предъявила ультиматум Польше в отношении Данцига, 22 марта аннексировала Клайпеду с прилегающей областью, а на следующий день навязала Румынии кабальное экономическое соглашение, которое привязывало эту страну к Третьему рейху. Правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье оказались в сложном положении. С одной стороны, Гитлер растоптал Мюнхенское соглашение 1938 г. и на это надо было как-то реагировать, а с другой — умиротворители не решались ссориться с Германией и доводить дело до серьезного конфликта. Не случайно поэтому первоначальная реакция английского и французского правительств на насильственную акцию Гитлера в центре Европы оказалась неадекватной серьезности момента. Так, британский премьер-министр заявил в палате общин 15 марта, что Великобритания не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии, которая прекратила существование «в результате внутреннего распада». В тот же день и в таком же духе высказался и министр иностранных дел Франции Ж. Бонне в беседе с английским послом в Париже Э. Фиппсом. Он также дал понять, что следующей жертвой агрессора вскоре станет Румыния (PRO.FO № 371/22966).

О Румынии и Польше как потенциальных объектах германской экспансии речь шла и в донесении временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Москву от 15 марта 1939 г.: «Гитлер не ограничится только захватом Чехословакии, а продолжит свою «работу» — сначала захватит Румынию, а потом на очереди стоит Польша». По словам Листопада, многие дипломаты упрекали Англию и Францию в том, что они своим поведением

«предоставили возможность Гитлеру аннексировать целое государство» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 23. Д. 7. П. 183. Л. 25).

Итак, политика умиротворения доказала свою полную несостоятельность. Но это вовсе не означает, что в Лондоне и Париже покончили с ней и взяли на вооружение альтернативный курс на обуздание агрессора. Об этом, в частности, свидетельствует реакция правительства Чемберлена на предложение СССР созвать конференцию с участием представителей Великобритании, Франции, Польши, Румынии, СССР и Турции для обсуждения мер по предупреждению распространения агрессии. На заседании кабинета 19 марта Чемберлен и министр иностранных дел лорд Галифакс пришли к заключению, что такой акт был бы преждевременным, что опасно созывать конференцию без предварительной тщательной подготовки (PRO.FO № 371/22967; СССР в борьбе за мир накануне второй мировой..., 1971).

С середины марта 1939 г. в Лондон поступали тревожные сведения о скором нападении Германии на Польшу и Румынию. Подчинение этих стран диктату Гитлера привело бы к господству рейха на Европейском континенте и низвело бы Англию и Францию до положения второразрядных государств. К тому же не исключалась вероятность продвижения Германии на Запад с целью захвата Голландии и ликвидации Франции. Черед Великобритании, как сообщил Фиппс из Парижа со ссылкой на хорошо информированный источник, должен был наступить в 1940 г., а США — в 1941 г. (PRO.FO № 371/22968)

18 марта на заседании английского кабинета обсуждалось положение на востоке Европы. Лорд Галифакс с сожалением отметил: «Если Германия нападет на Румынию, Англии будет крайне трудно остаться в стороне — придется принять участие в сопротивлении агрессии». Он подчеркнул (со ссылкой на начальников штабов), что помощь Румынии можно оказать лишь с подключением России, Польши и Франции. «В том случае, если Польша и Россия откажутся (от оказания помощи Румынии. — А. И.), Англия должна заручиться поддержкой Турции и Греции». С точки зрения Галифакса, существенное значение будет иметь позиция Италии. Чемберлен, в свою очередь, отметил: «Всего лишь неделю назад наша политика сводилась к улучшению отношений с диктаторами, но после захвата Чехословакии я убежден в том, что позиция Гитлера делает невозможным продолжение переговоров с нацистским режимом на прежней основе. Однако это не означает, что невозможны также переговоры с немецким народом». Премьер-министр подчеркнул: если Германия не изменит своей политики, «у нас не будет иной альтернативы, кроме как принять ее вызов». Кабинет принял решение добиваться согласия СССР, Польши, Югославии, Турции, Греции и Румынии на образование общего фронта борьбы против агрессии Германии в Юго-Восточной Европе (Иванов, 1993).

На следующий день (в воскресенье) на внеочередном заседании кабинета обсуждалась форма сотрудничества. Чемберлен высказал мнение, что лучше все-

го сформулировать декларацию о поддержании политической независимости стран Юго-Восточной Европы и, если эта независимость подвергнется внешней угрозе, участники декларации прибегнут к взаимным консультациям. Он пояснил важное преимущество такого подхода: «Использование военной силы будет затруднено для Великобритании и других стран до окончательного прояснения ситуации. Составленная в общих выражениях декларация» способна держать общественность в неведении относительно намерений правительства и позволит ему «действовать за кулисами в направлении поощрения совместной акции» (Иванов, 1993). Таким образом, оставалась в силе установка на отказ Англии от твердых обязательств. Для Чемберлена главное заключалось в том, чтобы по возможности сохранить за собой свободу маневра.

Советское правительство дало согласие на подписание декларации о консультациях Великобритании, Франции, Польши и СССР относительно шагов, которые надлежало предпринять для общего сопротивления агрессии. Однако Польша заявила, что не пойдет ни на какое соглашение, если его участником будет СССР. Польский посол в Москве В. Гжибовский в беседе с советским наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым объяснил отказ своего правительства — оно не желает испортить отношения с Германией. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек считал, что его страна, подписав декларацию, включилась бы в «идеологический фронт», получая за это туманные обещания консультаций (СССР в борьбе за мир..., 1971; Парсаданова, 1989). В дальнейшем вопрос о декларации был похоронен, и такой исход с большим неодобрением был воспринят Москвой. Вновь проявились ограниченные возможности СССР, который к тому времени так и не вырвался из послемюнхенской изоляции и был вынужден полагаться исключительно на собственные силы.

Возможности Великобритании и Франции были, несомненно, более широкими, хотя их влияние на ход событий в Европе постоянно уменьшалось. Сказался прежде всего захват Германией Чехословакии и, как следствие, необычайно возросший военно-экономический потенциал рейха. По подсчетам военного министерства Великобритании, нацисты в Чехословакии захватили оружие и снаряжение, достаточное для оснащения 38 пехотных и 8 мобильных дивизий (PRO.FO № 371/22958).

Экспансия Германии поставила перед правительствами западных держав ряд сложных проблем. О возврате к политике умиротворения не было и речи, хотя Чемберлен и Даладье не исключали в принципе мирное урегулирование спорных вопросов, таких как данцигский. Возмущение общественности действиями Гитлера нарастало и соответственно усилилось требование оппозиции в Англии и во Франции создать большой антигерманский союз с участием в нем западных держав и СССР. Об этом, в частности, шел разговор на встрече Чемберлена с депутатом от Британского конгресса тред-юнионов и лейбористской партии 23 марта 1939 г. Заместитель лидера партии Х. Дальтон подчеркнул, что акция Гитлера по

захвату Чехословакии чревата самыми тяжелыми последствиями — войной. Он обвинил правительство в бездейственности и призвал к принятию эффективных мер по предупреждению эскалации агрессии. Чемберлен заметил, что «предпочел бы не употреблять выражение «коллективная безопасность», которое вводит в заблуждение. Цель правительства заключается в том, чтобы изыскать средства для пресечения германской агрессии». Так как Румыния, на его взгляд, являлась ближайшим объектом экспансии рейха, важно было заручиться поддержкой Польши и таким образом создать для Германии угрозу войны на два фронта: на западе — против Англии и Франции, а на востоке — против Польши и Румынии. СССР исключался из предложенной схемы на том основании, что он не имеет общей границы с Германией и его подключение к антигерманскому блоку не допустят Польша и Румыния. Премьер-министр допускал возможность соглашения с СССР о поставках советских военных материалов Польше и Румынии при условии согласия правительств этих стран на их получение. Он подчеркнул, что Франция «полностью разделяет позицию Великобритании» (PRO.FO № 371/22967). Действительно, Франция послушно следовала указаниям из Лондона, ибо давно уже стратегически зависела от Англии. Эта зависимость еще больше усилилась после ликвидации Гитлером Чехословакии и распада Малой Антанты.

Западным державам в условиях европейского кризиса 1939 г. предстояло предпринять решительные меры по обеспечению собственной безопасности. Для Англии вырисовывалась перспектива укрепления армии, введения воинской повинности (на чем настаивал французский министр иностранных дел Ж. Бонне на переговорах в Лондоне 21-22 марта) и расширения английских обязательств в Европе. На лондонских переговорах была достигнута договоренность о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Голландию и Швейцарию. Были возобновлены и контакты между генеральными штабами Англии и Франции. Начатое таким образом согласование общей стратегии явилось практическим воплощением установки на образование антигерманской коалиции.

И все же эти половинчатые меры (к тому же рассчитанные на перспективу) не могли заменить большого антигерманского союза. Участие в нем СССР было по меньшей мере проблематичным с учетом давно укоренившейся в правительственных кругах Великобритании и Франции неприязни к коммунизму и советскому строю, их ориентации прежде всего на своих потенциальных союзников в Восточной Европе.

Об отношении Чемберлена и членов его правительства к сотрудничеству с СССР можно судить по протоколу заседания кабинета от 27 марта 1939 г. Премьер-министр заявил: «Наши попытки создать фронт против германской агрессии будут скорее всего обречены в случае привлечения к нему России». Он мотивировал это тем, что значительное число потенциальных союзников Великобритании настроено против участия СССР в антигерманском блоке; его

образование укрепит Антикоминтерновский пакт, затруднит действия британской дипломатии по нормализации отношений с Италией и Японией и возбудит недовольство Испании, Португалии и ряда государств Латинской Америки.

Но отказ от ассоциации с Россией вызовет подозрения в лагере левых как в Англии, так и во Франции, хотя, с другой стороны, упор на такую ассоциацию «сведет на нет возможность образования мощного объединенного фронта против германской агрессии. В этих условиях... должен быть найден какой-то альтернативный курс... следует отказаться от «декларации четырех» и сосредоточиться на... Румынии». Чемберлен предложил выяснить готовность Польши и Румынии к взаимному военному сотрудничеству и, если такая готовность будет продемонстрирована, подкрепить ее обещанием помощи со стороны Великобритании и Франции. Он откровенно заявил, что «этот план исключает Россию. Мы должны объяснить ей (России. — *А. И.*), что возражения на этот счет исходят не от нас, а от других, и предложить заключить секретное соглашение между Россией и Англией, по которому Россия... пришла бы на помощь Польше или Румынии в случае вовлечения этих стран в войну с Германией. Франко-советский пакт (о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. — *А. И.*) можно было бы использовать для реализации этой схемы». Лорд Галифакс поддержал премьер-министра: «Польша является более ценной величиной», чем Россия. Он отметил, что французское правительство не проявляет особой заинтересованности в сотрудничестве с СССР, но придает большое значение участию Польши в антигерманском блоке. В таком же духе высказался и министр по координации обороны лорд Чэтфилд: «С военной точки зрения Польша, вероятно, наилучший из потенциальных восточных союзников, а Россия может стать более серьезным сдерживающим фактором для Германии». Интересным представляется также следующее замечание Галифакса: «Лейбористскую партию можно убедить в том, что исключение России (из антигерманского фронта. — *А. И.*) — это не наша вина» (PRO. FO № 371/22968). Кабинет одобрил линию Чемберлена — Галифакса на углубление сотрудничества с Польшей и Румынией и выработку вариантов по привлечению СССР для поддержки этих стран в случае германской агрессии (PRO. FO № 371/22968). 29 марта на заседании кабинета Галифакс подчеркнул, что желательно получить от России как можно больше помощи. Главное — провести это, не потеряв поддержки Польши (PRO. FO № 371/22968). Таким образом, английское правительство делало предпочтительную ставку на Польшу и рассматривало СССР как поставщика военных материалов для стран Восточной Европы, оказавшихся под прицелом нацистов.

В этой связи определенный интерес представляет оценка Красной Армии английским военным атташе в Берлине полковником Р. Файербрейсом (именно на нее сослался лорд Галифакс на заседании кабинета 27 марта). В меморандуме от 6 марта он записал, что СССР может мобилизовать в течение трех месяцев и выставить на свой западный фронт 100 пехотных (стрелковых) и 30 кавалерий-

ских дивизий; на вооружении у него находятся 9000 танков и 4000-5000 самолетов (из них 3300 в западной части страны). Полковник отметил отрицательные последствия для Красной Армии репрессий среди ее командного состава, но все же признал, что армия «будет представлять серьезное препятствие для нападающей стороны. В наступательной войне она, возможно, сможет продвигаться на территорию Польши». Гораздо менее оптимистичной была оценка советских ВВС, которые «способны проводить лишь незначительные наступательные операции против Германии, если не будет обеспечена координация усилий с Польшей» (DBFP, 1951). В свете данного документа (а его основные положения разделялись начальниками штабов британских вооруженных сил) становится понятным скепсис руководителей Англии относительно оборонного потенциала СССР, подкрепленный к тому же политическими и идеологическими разногласиями между двумя странами.

Менее понятна завышенная оценка англичанами вооруженных сил Польши — 50 достаточно боеспособных дивизий (PRO.FON[№] 371/22968). Видимо, здесь сказался чрезмерный оптимизм Ю. Бека, который переоценивал польскую армию и недооценил реальность военной угрозы со стороны Германии. В Варшаве слишком понадеялись на германо-польскую декларацию 1934 г. о неприменении силы. К тому же (и этот фактор являлся решающим) армия Польши по технической оснащенности заметно уступала вермахту. Ее модернизация проведена не была. Пехота составляла 57%, а авиация и танковые войска — соответственно 2,5 и 2,3% (Парсаданова, 1989). В этих условиях исключительное значение для Польши приобретал вопрос о надежных и сильных союзниках, способных прийти к ней на помощь в случае необходимости.

Одним из таких союзников могла стать Великобритания. Она не была заинтересована в укреплении Германии за счет Польши и Румынии и ставила вопрос о политическом союзе с этими странами. 30 марта 1939 г. на заседании внешнеполитического комитета (узкий состав кабинета во главе с премьер-министром) было принято решение о предоставлении гарантии Польше, а на следующий день Чемберлен обнародовал декларацию в палате общин. Вскоре примеру Великобритании последовала Франция.

Протокол заседания комитета позволяет дать оценку умонастроению членов английского кабинета. Так, высказывалась мысль о возможности проинформировать Германию заблаговременно о гарантии Польше. Члены комитета также считали возможным проинформировать о гарантии Муссолини в расчете на его посреднические усилия в урегулировании германо-польских отношений (PRO.FON[№] 371/22968).

В зарубежной исторической литературе англо-французские гарантии зачастую изображаются в качестве «дипломатической революции», обозначившей поворот в политике западных держав от умиротворения агрессоров к противоборству с ними (Fleming, 1979; Douglas, 1986; Mommsen, Kettenacker

(Eds), 1983). Однако при внимательном рассмотрении и сопоставлении с документами такая оценка представляется преувеличенной, хотя и не стоит отрицать того, что это был новый фактор в британской внешней политике. Английская (как и французская) декларация предусматривала поддержание независимости Польши, но не гарантии ее границ. Это давало возможность правительству Великобритании при необходимости ставить вопрос о ревизии польских границ в пользу Германии. Не случайно на заседании кабинета 19 марта Чемберлен высказался против «гарантии существующих границ и неопределенного поддержания статус-кво» и отклонил предложение министра по делам доминионов Т. Инскипа о проведении штабных переговоров с Польшей и СССР (Иванов, 2013).

На этом настаивала и британская оппозиция. 30 марта Чемберлен встретился с лидерами оппозиционной лейбористской партии А. Гринвудом, Х. Дальтоном и А. Александером. Они (особенно двое последних) настаивали на необходимости привлечения к антигерманскому союзу СССР. Чемберлен ограничился замечанием, что контакт с советским правительством установлен через полпреда И.М. Майского и что британскую декларацию одобрили правительства Франции и Польши (PRO.FON^o 371/22968). На заседании кабинета 31 марта премьер-министр подчеркнул, что содержание декларации необходимо немедленно передать Муссолини до того, как она попадет в прессу. Кабинет согласился с этим предложением (PRO.FO^o № 371/22968).

О различии в подходах к проблеме европейской безопасности Англии и СССР свидетельствует письмо наркома М.М. Литвинова полпреду СССР в Германии А.Ф. Мерекалову от 4 апреля 1939 г.: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят. Мы относимся поэтому совершенно спокойно к шуму, поднятому вокруг так называемого изменения английской политики» (Документы внешней политики, 1992). Сталин извлек уроки из Мюнхена и мюнхенской политики западных держав и не собирався форсировать сотрудничество с ними, тем более на односторонней основе. Его раздражало также поведение Польши, которой он к тому же никогда не доверял.

Что касается Великобритании и Франции, то они и в условиях европейского кризиса предпочитали не брать на себя твердых, а тем более далеко идущих обязательств, рассчитывая на изменение политического климата в Европе (очередная иллюзия умиротворителей) и дипломатические методы урегулирования спорных с Германией проблем.

О подлинном значении гарантий Польше и Румынии (последняя получила гарантию 13 апреля) свидетельствует меморандум английских начальников штабов от 3 апреля 1939 г. В нем содержался детальный анализ соотношения сил противостоявших сторон. Сухопутная армия Германии оценивалась

в 105-110 дивизий, из которых 77-80 дивизий признавались пригодными для проведения операций на фронте. Франция могла выставить в течение месяца с начала войны 86 дивизий, не считая 10 в Северной Африке и 4, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания отправить в Европу в течение трех месяцев 2 дивизии.

Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии — в 22 пехотные, 3 кавалерийские дивизии и 3 горные бригады. Начальники штабов отметили, что «польская армия хорошо оснащена современным оружием, но у нее слабая артиллерия, а средства ПВО не отвечают современным требованиям». И далее: «Эффективность польской армии не такая высокая, как германской, но поляки будут стойко сражаться за свою территорию». Гораздо менее оптимистичной была оценка боеспособности румынской армии — «у Румынии всего 2 военных завода, и она не в состоянии обеспечить свою армию вооружением».

Выводы, к которым пришли начальники штабов, звучали крайне тревожно: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Румынию, польскую Силезию и «польский коридор». Если она продолжит наступление в Польше, потребуется лишь некоторое время для уничтожения Польши... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР» (Иванов, 2013). Английский исследователь Р. Эванс справедливо отмечает, что гарантия, предоставленная Чемберленом Польше «должна была отпугнуть немцев. Однако она оказалась ограничена различными секретными условиями, которые позволяли продолжать политику умиротворения. Британское правительство заявило, что эта гарантия будет иметь силу, только если поляки не станут демонстрировать провокационное или глупое упрямство в ответ на требования немцев о возвращении Данцига и польского коридора. Таким образом, Чемберлен все еще продолжал думать об урегулировании путем переговоров, которое бы оставило Польшу в таком же уязвимом положении, как Мюнхенское соглашение оставило Чехословакию... Чемберлен все еще продолжал надеяться на мир, сменив свою позицию с прямого умиротворения на комбинацию умиротворения и сдерживания» (Эванс, 2012).

Что касается переговоров между Великобританией, Францией и СССР, проходивших весной и летом 1939 г., то они были вызваны осознанием правительствами этих стран того неопровержимого факта, что война стремительно надвигается, а также требованиями западной общественности, которая полностью разочаровалась в политике умиротворения и настаивала на создании большо-

го антигерманского союза. Чемберлен и Даладье были вынуждены согласиться на переговоры с СССР, но полагали, что лучше всего — это обеспечить советскую помощь Польше (Год кризиса 1938-1939, 1990; Сидоров, Клейменова, 2006; Панкрашова, 1989; Иванов, 1993; Иванов, 2013 и др.). Таким образом, Советскому Союзу предлагалась незавидная роль поставщика военных материалов Польше (а также Румынии) без твердой гарантии получения помощи от западных держав. Советское правительство настораживало и то, что Англия и Франция были против предложения СССР не заключать сепаратный мир с агрессором. Они не желали связывать себе руки твердыми обязательствами, но это, с точки зрения Москвы, только подчеркивало их ненадежность. В пользу такого вывода свидетельствовали также споры участников тройственных переговоров по вопросу о Прибалтике. Западные державы не собирались предоставлять гарантии Прибалтийским странам, считая это слишком большой ценой за помощь со стороны России (Иванов, 1993). К этому добавлялись политические и идеологические соображения Чемберлена и умиротворителей в целом: они по-прежнему относились к СССР с недоверием и предпочитали ему в качестве союзника Польшу.

Что касается Польши, то она еще в меньшей степени, чем западные державы, проявляла заинтересованность в военно-политическом сотрудничестве с СССР. Сказывались опасения руководителей Польши относительно советского влияния на страну и возможного разрыва отношений с Германией. Кроме того, как сообщил английский посол в Варшаве Г. Кеннард в Форин-оффис 19 апреля 1939 г., «Польша опасается, что если СССР станет полноправным участником коалиции совместно с Англией и Францией, ценность и значимость Польши уменьшится в наших (т.е. англичан. — А. И.) глазах» (Иванов, 2013). К тому же советско-польские отношения несли на себе тяжелый отпечаток прошлого и были отягощены проблемой Западной Украины и Западной Белоруссии.

Таким образом, фундамент для оформления военно-политического союза Великобритании, Франции и СССР оказался крайне непрочным, и не случайно на тройственных переговорах часто возникали острые споры и разногласия, в том числе как следствие взаимного недоверия сторон. Положение осложняло еще и то обстоятельство, что не только Польша, но и другие восточноевропейские страны не проявляли желания сотрудничать с СССР. Вот что, например, заявил министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку членам кабинета Чемберлена во время визита в Лондон 24 апреля: «Я не доверяю советскому правительству, поскольку их цель — мировая революция. Я полностью согласен с вашей линией» (Иванов, 2013). Примерно в таких же выражениях высказывались и руководители Прибалтийских стран (Иванов, 1993).

Тройственные переговоры проходили в условиях постоянно ухудшавшейся обстановки в Европе. Германия проводила откровенно вызывающую политику по отношению к Польше, используя для нагнетания напряженности пробле-

му Данцига и данцигского коридора. От Германии стремилась не отстать фашистская Италия: 7 апреля итальянские войска вторглись в Албанию и оккупировали ее, а 12 апреля была провозглашена «личная уния» между Италией и Албанией. 22 мая Германия и Италия оформили между собой договор о дружбе и союзе («Стальной пакт»). Муссолини тем самым прочно связал себя и судьбу своего режима с Гитлером. Для многих стало ясно, что Европа находится на пороге большой войны.

Неудачный ход англо-франко-советских переговоров (а они по большей части топтались на месте) посеял сомнения в Москве относительно искренности намерений правительств Чемберлена и Даладье. В свое время в Кремле крайне болезненно восприняли Мюнхен и мюнхенскую политику западных держав, их откровенное нежелание сотрудничать с СССР. В Лондоне стремились оставить СССР «за бортом» европейской политики, подвергнуть его остракизму. Все это повлияло на решение Сталина пересмотреть советскую внешнеполитическую стратегию.

3 мая 1939 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов был неожиданно для всех смещен со своего поста и заменен В. М. Молотовым. Эта новость тут же облетела столицы европейских стран и вызвала самые разноречивые слухи. Не исключался вариант резкого поворота в советской внешней политике в сторону сближения с Германией. В. М. Бережков, бывший долгие годы переводчиком Сталина, полагал, что «именно тогда Сталин... задумался над тем, нельзя ли полюбовно договориться с фюрером» (Бережков, 1998). Сталин разочаровался в прозападной ориентации Литвинова и считал, что его ближайший соратник Молотов внесет свежую струю во внешнюю политику СССР.

Отставка Литвинова означала удар по политике коллективной безопасности. Умиротворяющие жесты со стороны немцев (изменение тона нацистской прессы по отношению к СССР, возобновление торговых переговоров весной 1939 г.) были восприняты Сталиным как многообещающий знак и приглашение к диалогу. Таким образом, смена наркома может рассматриваться как предупреждение Западу, не желавшему идти на уступки на переговорах с СССР, так и в качестве своеобразного сигнала для Гитлера. В этой связи интересную информацию к размышлению предоставляют архивные документы. Так, 4 мая 1939 г. английский посол в Италии П. Лорейн сообщил в Лондон со ссылкой на надежный источник, что «Сталин отправил в отставку Литвинова, чтобы обеспечить соглашение с Германией, которое позволит ей напасть на Польшу и вернуть себе данцигский коридор» (PROFON^о 371/23685). В ответной телеграмме Лорейну сотрудники Фориноффис отметили: «Не является очевидным то, что Сталин задумал соглашение с Германией, возможно, он предпочитает занять позицию нейтралитета (что на самом деле выгодно для Германии), предпочитая нейтралитет союзу с западными державами в том случае, если они не согласятся гарантировать Советский Союз против нападения Германии»

(PROFON[№] 371/23685). В те дни в Лондон поступали и более конкретные донесения о закулисных маневрах немцев и русских. Например, 6 мая из английского посольства в Ватикане пришло сообщение, что «Италия выступает в качестве посредника на переговорах между Германией и Россией» и соглашение между ними «уже достигнуто и вскоре будет опубликовано» (PROFON[№] 371/22972). 8 мая английский посол в Германии Н. Гендерсон в донесении из Берлина подтвердил эти сведения, уточнив, что речь идет о советско-германском пакте о ненападении (PROFON[№] 371/22972). 10 мая из Ватикана пришло новое сообщение, в котором упоминалась Польша как будущая жертва сделки между Гитлером и Сталиным (PROFON[№] 371/22972).

Разумеется, далеко не вся подобная информация принималась в Лондоне за чистую монету, тем более что многие в Форин-оффис полагали, что пока Гитлер и Сталин остаются у власти, диалог между ними практически невозможен. Ситуация, таким образом, выглядела запутанной и серьезной; не случайно главный дипломатический советник английского правительства Р. Ванситтарт (один из наиболее опытных и хорошо информированных дипломатов) отметил, что если СССР предпочтет политику изоляционизма, «она послужит преюдицией к нечто гораздо худшему» (PROFON[№] 371/23685).

Документы Архива внешней политики РФ, датированные маем 1939 г., не позволяют сделать категорический вывод о секретных германо-советских переговорах или наметившемся сближении между СССР и Германией. Сталина не устраивала перспектива тревожного выжидания и неопределённости на переговорах с западными державами. СССР не имел союзников, а его западные соседи — Прибалтийские страны, Румыния и Польша — не желали сотрудничать с ним. Сталину, как и Гитлеру, нужно было так или иначе определиться, однако без получения твердых гарантий со стороны Германии и учета интересов СССР Сталин не рискнул бы торпедировать переговоры с западными державами. Но контакты с немцами только налаживались, и по-прежнему неясными и нерешенными оставались политические вопросы. И Гитлер, и Сталин проявляли сдержанность и как бы присматривались друг к другу. Вот что писал временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов В. М. Молотову 6 мая: «Что же касается немцев, то, не скрывая своего интереса к происшедшей перемене (в НКВД СССР. — А. И.) и пытаясь преимущественно путем подбора цитат из англо-французских газет и корреспонденций из Лондона и Парижа создать впечатление о вероятности поворота нашей политики в желанном для них смысле (отход от коллективной безопасности и т.п.), они, за единичными исключениями, воздерживаются от непосредственной оценки и предпочитают ограничиваться изложением фактических данных (подчас вымышленных), подаваемых, однако, в достаточно корректной форме», но это не дает «оснований для каких-либо далеко идущих выводов» (АВП РФ. Ф. 06. Оп.1. Д. 66. П. 7. Л. 21-22).

Сталин не желал рисковать и ставить под удар переговоры с Англией и Францией, не заручившись твердым согласием Гитлера на соглашение с ним. Тот же Астахов в беседе с заведующим восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела МИД Германии Ю. Шнурре 13 мая отметил: «Признавая изменение тона прессы в лучшую сторону, мы все же не имеем данных говорить о коренном изменении германской политики» (АВП РФ. Ф. 06. Оп.1. Д. 66. П. 7. Л. 30). С точки зрения Сталина, слишком опасной выглядела перспектива оказаться в изоляции и к тому же возможности соглашения с Западом еще не были исчерпаны, хотя первоначальные иллюзии заключить его на условиях Москвы к тому времени развеялись.

Отставка Литвинова негативно повлияла на ход англо-франко-советских переговоров: усилилась взаимная подозрительность, на какие-то уступки стороны не соглашались. Вот что, в частности, заявил Чемберлен членам правительства 5 мая: «Было бы неверным брать на себя какие-либо твердые обязательства в настоящий момент, когда мы точно не знаем, означает ли отставка Литвинова смену советского внешнеполитического курса». Он выразил сомнение в приемлемости предложения Москвы не заключать сепаратный мир с агрессором, поскольку «могут возникнуть непредвиденные обстоятельства» (PRO.FON № 371/23065). В Лондоне не отказались от идеи возобновления диалога с Берлином, тем более что руководство рейха, как сообщили из английского посольства в Германии 23 апреля, проявляло к этому готовность: Гитлер якобы предложил, чтобы кто-нибудь из влиятельных членов кабинета Чемберлена, свободно владеющий немецким языком, прибыл к нему для конфиденциальной беседы (PRO.FON № 371/22970). По мнению английского правительства, необходимо было выиграть время, выждать более благоприятный момент для установления англо-германских контактов.

О том, что в Лондоне не было покончено с политикой умиротворения, свидетельствуют архивные документы из фонда Форин-оффис. Так, на заседании английского кабинета 24 мая 1939 г. было высказано мнение, что «когда мы усилим наши позиции посредством заключения соглашения с российским правительством, мы должны выступить с инициативой о возобновлении политики умиротворения». Таким образом, «у нас появится возможность договариваться (с Германией. — А. И.) с позиции силы, и скорее всего Германия прислушается к нам». Инициаторы этого предложения министр иностранных дел лорд Галифакс и министр по делам доминионов Т. Инскип считали, что для успеха переговоров с немцами необходимо заверить их в том, что Англия не собирается осуществлять экономическую блокаду Германии и готова обсуждать с ней «в любое время любые вопросы». Чемберлен не отверг этого в принципе, но заметил, что момент для принятия данного предложения «еще не созрел. Необходимо не только оставаться сильными, но добиться того, что-

бы другие осознали этот факт. К тому же общественное мнение... еще не готово для такого поворота» (PRO.FON № 371/22973).

Между тем обстановка в Европе все более ухудшалась, в столицы европейских стран все чаще поступала информация о военных приготовлениях в Германии. Так, 31 мая в Лондон из Берлина поступило сообщение о том, что Германия будет полностью готова к войне к 1 августа 1939 г. и что Данциг не имеет никакого отношения к ее истинным намерениям (PRO.FO № 371/22973). Через месяц также из Берлина была получена информация, что Гитлер твердо решил начать войну этой осенью. Он убежден в слабости Британской империи; его главная цель — ни Данциг, не данцигский коридор, а «разрушение Британской империи» (PRO.FON № 371/22973).

Накануне войны дипломатическая борьба в Европе осложнилась настолько, что трудно было подчас определить, какое направление для той или иной страны являлось главным, а какое — второстепенным. Германия планомерно готовилась к войне против Польши, но не отказывалась от диалога с англичанами и параллельно приступила к зондажу позиции СССР. К тому времени (июль 1939 г.) политические переговоры трех великих держав зашли в тупик, и это обстоятельство должно было облегчить Гитлеру достижение полюбовного соглашения со Сталиным. Правительство Чемберлена также действовало на нескольких направлениях: с одной стороны, оно согласилось приступить к штабным переговорам с СССР и Францией, но с другой — активизировало усилия по урегулированию спорных проблем с Германией. В ходе секретных англо-германских переговоров, проходивших в июне — августе 1939 г., немалое место отводилось Данцигу, этому, как считали члены кабинета Чемберлена, яблоку раздора между Германией и Польшей. Переговоры приобрели широкий размах, осуществлялись по различным максимально возможным в условиях надвигающейся европейской войны каналам. Официальный Лондон установил связь с руководством Третьего рейха через шведских промышленников А. Веннер-Грена и Б. Далеруса, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге К. Буркхардта, князя М. Гогенлоэ, а также через Муссолини и Ватикан.

На переговорах с представителями германского правительства обсуждались различные вопросы: экономическое и финансовое сотрудничество двух стран, заключение англо-германского пакта о ненападении и соответственно отказ Великобритании от гарантии независимости Польши, установление колониального кондоминиума в Африке, совместная эксплуатация рынков Китая, СССР, колоний европейских стран. Восточная и Юго-Восточная Европа рассматривалась эмиссарами английского правительства как «естественная экономическая сфера» Германии; они не возражали против усиления ее позиций в регионе, но при условии, что Англии будет обеспечена там «разумная доля» (PRO.FON № 371/22990).

И все же, несмотря на усилия по нормализации англо-германских отношений, правительству Чемберлена не удалось достичь поставленной цели. Шансы на оформление широкого соглашения между Великобританией и Германией были ограниченными. Руководство Третьего рейха активно готовилось к войне против Польши, и Гитлера совершенно не устраивало половинчатое решение польского вопроса в духе Мюнхена. По существу отсутствовала необходимая база для мирного урегулирования. Серьезные уступки Германии за счет независимых стран, таких как Польша или Румыния, казались невозможными. Щедрая экономическая и финансовая помощь рейху представлялась нереальной, поскольку она могла ударить бумерангом по Британской империи. К этому добавлялись антигерманские настроения общественности, напряженность во франко-германских отношениях и опасения английских политиков остаться без союзников в условиях войны.

Умиротворители по-прежнему пребывали в мире иллюзий, не желая признать тот очевидный факт, что время компромиссов с диктаторами и односторонних уступок миновало. Р. Эванс в этой связи отмечает следующее: «23 мая 1939 года Гитлер сообщил руководителям вермахта, включая Геринга, Гальдера и Редера, что «дальнейшие успехи невозможны без кровопролития». «Сегодня на карту поставлен не Данциг, — продолжал он. — Для нас это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Восток и обеспечения продовольственной безопасности для страны... Если судьба приведет нас к конфронтации с Западом, хорошо бы было иметь изрядные территории на Востоке». Поэтому напасть на Польшу необходимо было при первой подходящей возможности. Гитлер допускал, что Великобритания и Франция могли прийти на помощь Польше. «Таким образом, Англия является нашим врагом, и война с ней — это вопрос жизни и смерти». При возможности Польша должна была погибнуть в одиночестве без сторонней помощи. Однако в долгосрочной перспективе война с Англией и Францией была неизбежна. «Англия — это главный источник враждебности против Германии» (Эванс, 2012). Таким образом, Гитлер и его окружение делали ставку на блицкриг против Польши, но им для гарантии успеха архиважно было заручиться нейтралитетом СССР.

Что касается Сталина, то он оказался в сложном положении. Тройственные переговоры оказались неудачными, рассчитывать на чью-либо помощь в случае войны не приходилось, а в ближайшей перспективе вырисовывалась или самоизоляция СССР, или конфронтация с Германией. И тот, и другой варианты были неприемлемыми. Отсюда предпочтительная ставка Сталина на сближение с Гитлером.

И все же советское правительство предложило западным державам послать своих представителей в Москву для проведения штабных переговоров. С учетом драматизма событий августа 1939 г. логику Сталина можно понять. Во-первых, с точки зрения Москвы, не все еще было потеряно и сохранялась

надежда на то, что в случае решения ключевого вопроса о проходе советских войск через территории сопредельных государств, прежде всего Польши и Румынии, тройственный союз состоится. Во-вторых, накануне переговоров в Москве (а они начались 12 августа) Сталин еще не принял окончательного решения, он колебался, стратегическая ошибка могла стоить очень дорого, нужно было еще и еще раз взвесить все «за» и «против».

В исторической литературе присутствует точка зрения, что московские переговоры были последним шансом спасти мир, но он не был использован ввиду нежелания СССР договариваться с западными державами (Семиряга, 1992).

На наш взгляд, переговоры в Москве были бесперспективными с самого начала. Отсутствие политического соглашения крайне затрудняло подписание военной конвенции, и переговоры, едва начавшись, уже вскоре закончились. Это подтверждают и британские архивные документы. Так, на заседании английского кабинета 26 июля 1939 г. министры отметили, что «на военных переговорах с советским правительством возникнут трудности из-за отсутствия политического соглашения». В этой связи было бы «крайне нежелательно передавать конфиденциальную информацию советскому правительству». Общее мнение членов кабинета свелось к тому, что «необходимо проинструктировать наших представителей (на переговорах с СССР. — *А. И.*) вести переговоры очень медленно, прежде чем будет подписано политическое соглашение» и постараться выяснить, «какую помощь русские могут оказать Польше» (PRO. FO № 371/23071).

Правительства западных держав согласились отправить свои миссии в Москву (они предпочитали ей Лондон или Париж) под давлением той неопределенной ситуации, которая сложилась летом 1939 г. Важно было не допустить нормализации советско-германских отношений, и это соображение перевешивало антипатию руководителей Англии и Франции к России и русским. Вот что, например, заявил Чемберлен на заседании внешнеполитического комитета 10 июля: «В случае отказа (от советского предложения о проведении штабных переговоров. — *А. И.*) правительство столкнется с бесчисленными трудностями, хотя лично мне оно совершенно не нравится». Чемберлена поддержал министр иностранных дел лорд Галифакс: «Когда начнутся военные переговоры, большого прогресса не будет. Переговоры будут тянуться бесконечно долго, и в конце концов каждая из сторон согласится принять обязательство общего характера. В таком случае мы выиграем время и к своей выгоде используем ту ситуацию, из которой сейчас нет выхода». Министр по координации обороны лорд Чэтфилд заметил: «Заключение военного соглашения с Россией может оказаться очень трудным делом. До сих пор мы не имели подобного соглашения с какой-либо страной, и крайне важно просчитать все возможные варианты действий на море, на суше и в воздухе, на которые мы и французы можем согласиться» (PRO.FO № 371/23070). О позиции Франции Галифакс сказал следующее: «Французское правительство считает, что военные переговоры

будут тянуться очень долго и в случае неудачи ни о каком политическом соглашении не может быть и речи». И далее: «До тех пор пока будут продолжаться военные переговоры, мы предотвратим сближение между Советской Россией и Германией» (PRO.FON № 371/23070).

Итак, западные державы стремились не допустить нормализации советско-германских отношений и выиграть время. Но тогда время работало не на Англию и Францию, а на Германию. Приготовления Германия к нападению на Польшу вступили в свою завершающую стадию. Расчет официальных кругов Лондона и Парижа на затягивание московских переговоров до осенней распутицы или даже до зимы с тем, чтобы задержать начало войны, имел под собой зыбкую почву. Гитлер не раз рисковал в ситуациях, гораздо менее благоприятных для рейха, и его выступление на Восток мог остановить только внушительный по своей мощи коллективный фронт миролюбивых держав при участии в нем Великобритании, Франции и СССР. Возможности же образования такого фронта были упущены еще в период политических переговоров между Лондоном, Парижем и Москвой. Да и Сталина не устраивала перспектива неопределенно-тревожного выжидания перед лицом агрессивных приготовлений Германии вблизи советских границ.

Что касается вариантов действий западных союзников, о которых упомянул лорд Чэтфилд, то они, судя по протоколам московских переговоров, весьма отдаленно напоминали предложения правительств, заинтересованных в недопущении нового витка фашистской агрессии. Английская и французская миссии были снабжены инструкциями, содержание которых не позволяло надеяться на быстрое и успешное завершение переговоров. Так, британской делегации предписывалось «вести переговоры очень медленно; к русским относиться сдержанно» и не передавать им никакой конфиденциальной информации, поскольку отсутствует политическое соглашение; воздерживаться от обсуждения вопросов совместной стратегии на Западе и в Средиземном море и т.д. «Английскому правительству, — подчеркивалось в инструкции, — представляется нежелательным брать на себя какое-либо определенное обязательство, могущее связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться в военном соглашении возможно более общими формулировками. Что-нибудь вроде согласованной декларации о политике могло бы соответствовать этому... Если русские предложат, чтобы английское и французское правительства обратились к Польше, Румынии или Прибалтийским государствам с предложениями, влекущими за собой сотрудничество с советским правительством или Генеральным штабом, делегация не должна брать на себя каких-либо обязательств, а обращаться в Лондон. Делегация не должна обсуждать вопрос об обороне Прибалтийских государств, так как ни Великобритания, ни Франция не гарантировали безопасность этих стран». И хотя в инструкции предписывалось «убедить русских в необходимо-

сти поставить Германию перед угрозой войны на два фронта, с тем чтобы нанести поражение Германии», а также заручиться их согласием оказать помощь Польше и Румынии (DBFP, 1953), содержащиеся в ней ограничения и запреты делали реализацию такого предприятия в высшей степени сомнительной. Но главное заключалось даже не в этом — отсутствовала предварительно согласованная база для переговоров, не было доверия сторон друг к другу, что и проявилось в ходе дискуссий в Москве.

В свою очередь советское правительство (под диктовку Сталина) также снабдило военную миссию инструкцией, в которой, в частности, указывалось: «Переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.

Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключением, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно» (Документы внешней политики, 1992).

СССР предложил развернутый план военных действий трех великих держав при всех возможных случаях агрессии. План предусматривал подключение к совместным военным операциям вооруженных сил Польши и Румынии (СССР в борьбе за мир..., 1971). Если бы он был реализован, на пути агрессоров мог быть воздвигнут надежный заслон.

Реакция английской стороны на эти предложения оказалась сдержанной. Руководитель английской миссии адмирал П. Дракс в письме лорду Чэтфилду от 16 августа указал: «Русские отзываются презрительно о Великобритании и Франции как о капитулировавших (перед агрессорами. — *А. И.*) державах. Они считают, что Англия и Франция спешат заключить соглашение и подходящее давление на них обеспечит необходимые уступки с их стороны. Их манера предъявлять нам свои требования... напоминает поведение державы-победительницы, диктующей условия побежденному противнику». Далее адмирал отметил: русские «придают огромное значение получению положительного ответа от Польши и Румынии (имелся в виду вопрос о проходе советских войск через территории этих стран. — *А. И.*). Они не высказывают желания заключить соглашение, кроме как на условиях, полностью совпадающих с их требованиями. Мне представляется, если не произойдет нечто непредвиденное, потребуются месяцы для достижения соглашения на основе обсуждающихся пунктов» (DBFP, 1954).

Однако не все в окружении Дракса были расположены выжидать долгие месяцы. 17 августа заместители начальников штабов вооруженных сил представили кабинету министров доклад, в котором говорилось: «Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет, без сомнения, поставлено под

угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами» (Ржешевский, 1989).

Обеспокоенность английских военных за судьбу переговоров становится понятной в свете тревожного развития событий, неумолимо приближавших человечество к катастрофе. С 18 августа в Германии начались предмобилизационные мероприятия, а неделю спустя был отдан приказ о скрытой мобилизации основных сил сухопутной армии военного времени. В соответствии с замыслом германского командования они сосредоточивались против Польши с целью быстрого ее разгрома; на западе, против Франции, было оставлено минимальное количество войск.

Почему же Чемберлен и члены его кабинета (Франция послушно следовала за Великобританией) не прислушались к мнению руководства вооруженных сил страны относительно пропуска советских войск через территории Польши или Румынии?

Очевидно, Чемберлена занимали вопросы не столько военно-стратегического, сколько политического характера. Он был убежден в том, что умиротворение себя еще не исчерпало и до тех пор, пока остается хоть малейшая возможность разрешить спорные с Гитлером проблемы мирным путем, не следует ей пренебрегать. Конфронтация с Германией (а умиротворители считали, что ассоциация с Россией может повлечь за собой вооруженный конфликт с рейхом) не только означала бы крах всей политики Чемберлена, но и втянула бы Великобританию и ее империю, выражаясь словами Черчилля, «наихудшим путем в наихудшую из всех войн». Кроме того, в Лондоне полагали, что серьезный отпор Германии при активном участии в нем СССР неизбежно приведет к повсеместному и неукротимому распространению идей коммунизма. Отсюда, в частности, нежелание британского руководства оказывать «сильнейшее», как того требовали начальники штабов, давление на Польшу и Румынию (оно не шло в сравнение с нажимом на Чехословакию в 1938 г.) для разрешения вопроса о проходе советских войск через их территории.

Итак, военные переговоры СССР, Великобритании и Франции повторили судьбу политических, т.е. завершились безрезультатно. Причин тому несколько: глубокое недоверие сторон друг к другу, стремление заполучить максимум уступок при минимуме затрат (этим грешили англичане и французы), нерешенность главного вопроса — о проходе советских войск через территории Польши и Румынии и сохраняющаяся надежда умиротворителей (как оказалась иллюзорная) на мирное урегулирование спорных проблем, прежде всего данцигской, с Германией.

В условиях провала московских переговоров Сталину предстояло сделать окончательный выбор. Несомненно, на его решение повернуться лицом к Гитлеру и принять предложения германской стороны повлияли неудачный диалог с Великобританией и Францией и обструкционизм Польши в вопросе о

проходе советских войск. Польский министр иностранных дел Ю. Бек проявлял неуступчивость в данном вопросе, надеясь на то, что его страна выдержит удар немцев и что ее поддержат Англия и Франция. Румыния также не была настроена на пропуск советских войск через свою территорию, хотя высказывала это в менее категоричной форме. К тому же Сталин был в курсе закулисной дипломатии Лондона, которая раздражала и нервировала его.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в Москве были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол к нему. Пакт резко осложнил положение Польши, а для Великобритании и Франции ограничил возможности маневра. Отныне переговоры в Москве теряли свой смысл; западной, прежде всего британской, дипломатии предстояло сконцентрировать свои усилия на Берлине и Риме.

В современной историографии по-разному оценивают пакт Молотова — Риббентропа. Дискуссия в основном ведется по вопросу об альтернативе этому соглашению.

Документы свидетельствуют, что решающий поворот в советской политике к сближению с Германией наступил в середине августа 1939 г. Германское правительство предложило через посла в СССР Ф. Шуленбурга «совместно внести ясность в территориальные вопросы Восточной Европы». Составной частью соглашения должны были стать пакт о ненападении между двумя странами и договор об экономическом сотрудничестве. Германия обещала также оказать влияние на Японию в целях нормализации японо-советских отношений (Год кризиса 1938-1939, 1990).

Молотов, принявший Шуленбурга 15 и 17 августа, отнесся с одобрением к сделанным предложениям, но форсировать приезд Риббентропа в Москву (на чем настаивала германская сторона) не собирался. Когда Гитлер 20 августа обратился к Сталину с личным посланием, в котором говорилось о необходимости скорейшего юридического оформления согласованных к тому времени вопросов, тот дал положительный ответ.

Один из мифов, который традиционно присутствует во многих западных публикациях, — советско-германский пакт подтолкнул Гитлера к вторжению в Польшу. Однако известно, что к тому времени экспансия нацизма уже переросла «мирные» рамки в своем развитии. С пактом или без него, но Гитлер в любом случае осуществил бы нападение. Нейтралитет СССР позволял Германии провести кампанию блицкрига с гораздо большей уверенностью в ее конечном успехе, тогда как неурегулированность германо-советских отношений могла в дальнейшем привести к нежелательным для рейха осложнениям.

Версию о преднамеренном срыве Сталиным переговоров в Москве посредством заключения пакта с Германией в свете документов следует признать несостоятельной. С этим согласны и такие профессиональные историки, как

Р. Эванс: «В начале августа 1939 года Риббентроп и Вайцзеккер (статс-секретарь германского МИДа. — А. И.) с одобрения Гитлера подготовили планы совместного раздела Польши с Советским Союзом. Но Сталин все еще колебался. Однако наконец 21 августа он согласился со все более настойчивыми запросами Гитлера о подписании официального пакта» (Эванс, 2012).

Советско-германский пакт о ненападении подвел финишную черту под политикой коллективной безопасности. По-своему лицемерным являлось заявление Молотова о том, что «некоторое время спустя, например, через неделю, переговоры с Францией и Англией могли быть продолжены» (История внешней политики СССР..., 1986). Через неделю Европа уже погружалась в хаос войны, а правительства западных держав поспешно и лихорадочно изыскивали подходящие варианты урегулирования польского вопроса.

Разграничение сфер интересов Германии и СССР по секретному протоколу к пакту было наглядным подтверждением краха курса на обуздание агрессоров и может рассматриваться как циничная сделка двух диктаторов. С тех пор вплоть до 22 июня 1941 г. Сталин осуществлял собственную политику умиротворения нацистской Германии.

Итак, Сталин сделал окончательный выбор. Он стремился избежать вовлечения СССР в войну во что бы то ни стало, и в этом смысле его выбор может показаться вполне логичным. Однако считать пакт Молотова — Риббентропа абсолютно безальтернативным решением было бы неправильным. Нельзя забывать о том, что Сталин своей политикой массовых чисток и репрессий в Красной Армии, которые значительно подорвали ее потенциал, созданием системы безграничного единовластия загнал СССР в угол задолго до подписания пакта. В краткосрочном плане пакт с Германией позволил СССР избежать вовлечения во Вторую мировую войну в 1939 г., но в долгосрочной перспективе он обернулся страшной трагедией для советского народа в 1941 г.

Уроки 1939 г. дают богатую пищу для размышлений и заставляют задуматься, насколько реальными были шансы создать большой антигерманский союз перед Второй мировой войной. Документы архивов и новейшие исследования позволяют дать отрицательный ответ на этот вопрос. Европе пришлось пройти через жестокие испытания 1939-1941 гг., прежде чем антигитлеровская коалиция стала реальностью, великим союзом свободолюбивых стран и народов, которому суждено было спасти человечество от варварства и тирании.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 23. Д. 7. П. 183. Л. 25.
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп.1. Д. 66. П. 7 Л. 21-22.
3. Бережков, В. (1998). *Рядом со Сталиным*. Москва: Вагриус.
4. *Год кризиса 1938-1939. Документы и материалы*. (1990). Т. I. Москва: Политиздат.

5. *Год кризиса 1938-1939. Документы и материалы.* (1990). Т. II. Москва: Политиздат.
6. *Документы внешней политики. 1939 год.* (1992). Т. XXII. Кн. 1. Москва: Международные отношения.
7. Иванов, А. Г. (1993). *Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия.* Москва: Наука.
8. Иванов, А. Г. (2010). *Почему не удалось сохранить мир в 1939 году // СССР и западные державы: трудный путь к партнерству и союзу (1939-1945 гг.).* Сборник статей. Москва: МГОУ.
9. Иванов, А. Г. (2013). *Европейский кризис 1939 года и начало Второй мировой войны.* Москва: МГОУ.
10. Громыко, А. А., Пономарёв, Б. Н. (ред.) (1986). *История внешней политики СССР 1917-1985. Т. I. 1917-1945 гг.* Москва: Наука.
11. *СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы.* (1971). Москва.
12. Панкратова, М. И. (1989). *Англо-франко-советские переговоры 1939 года.* Международная жизнь, 8.
13. Парсаданова, В. С. (1989). *Трагедия Польши в 1939 г. Новая и новейшая история,* 5, 11-27.
14. Ржешевский, О. А. (1989). *Москва, Спиридоновка, 17.* Военно-исторический журнал, 7, 72-81.
15. Семиряга, М. И. (1992). *Тайны сталинской дипломатии 1939-1941.* Москва: Высшая школа.
16. Сидоров, А. Ю., Клейменова, Н. Е. (2006). *История международных отношений 1918-1939.* Москва: Центрполиграф.
17. Эванс, Р. (2012). *Третий рейх. Дни триумфа 1933-1939.* Москва: Астрель.
18. *Documents on British Foreign Policy 1919-1939.* (1951). Third Ser. Vol. IV. London: His Majesty station office (далее – DBFP).
19. *DBFP.* (1953). Third Ser. Vol. VI. London: Her Majesty station office.
20. *DBFP.* (1954). Third Ser. Vol. VII. London: Her Majesty station office.
21. Douglas, R. (1986). *World Crisis and British Decline, 1929-56.* London: Macmillan.
22. Fleming, N. (1979) *August 1939. The Last Days of Peace.* London: Davies.
23. Mommsen, W. J., Kettenacker, L. (Eds) (1983). *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement.* London: George Allen & Unwin.
24. PublicRecordOffice (Государственный архив Великобритании). FОН^о 371/22966. P. 124 (далее – PRO).
25. PRO. FO 371/22958. P. 228.
26. PRO. FO 371/22967. PP.108-110, 112, 114-115, 230.
27. PRO. FO 371/22968. PP. 24, 54, 58, 63-64, 237-238, 251, 259-260.
28. PRO. FO 371/22970. P. 99.
29. PRO FO 371/22972. PP.107, 112, 160.
30. PRO. FO 371/22973. PP. 62, 134-135, 155.
31. PRO. FO 371/22990. P. 299.
32. PRO. FO 371/23065. P.204,206.

33. PRO.FO 371/23070. PP. 152,153,160-161.
34. PRO.FO 371/23071. P. 233.
35. PRO FO 371/23685. PP. 4,5,15.

Статья поступила в редакцию 28.09.2014.

.....

PEACE OR WAR? THE ALTERNATIVES OF 1939

A. G. Ivanov

Alexander Ivanov, Doctor of Science (Historical Sciences), Professor, Kuban State University (KubSU), Krasnodar, Russia. E-mail: ivanov@kubsu.ru

In the article prehistory of the Second World War is being analysed. The author focuses attention on the European crisis of 1939 and diplomatic initiatives caused by it: Anglo-French guarantees to the countries of Eastern Europe, diplomatic talks between the USSR, Great Britain and France, Soviet — German non-aggression Pact. The guarantees turned out to be a reaction of the governments of Chamberlain and Daladier to destruction of Czechoslovakia by Germany and Hitler's challenging actions towards Poland and Romania that followed. As archival documents show they lacked real content and were aimed at restraining Hitler and calming down the public. Soon Anglo-French-Soviet talks followed, which under certain conditions might lead to forming of a grand anti-German alliance, but due to a number of reasons the talks ended with no result. One of the reasons of the talks failure was the unwillingness of Great Britain and France to agree to a close military-political collaboration with the USSR and wish to come to terms with Germany at the sake of Poland, using the policy of appeasement. The author, using archival documents, tries to give an answer to the question, why it turned out unsuccessful to create a grand anti-German alliance with participation of the great powers in it. Its creation would make it possible to stop the aggressor — Nazi Germany and to avoid global catastrophe.

One of the most disputable problems of prehistory of the war is the Soviet-German non-aggression Pact. The analysis of documents and recent publications make it possible for the author to come to a conclusion that the initiative of entering into the Pact, as well as of drawing up the secret additional protocol to it, was from the German side. What concerns the USSR, Stalin was hesitating and up to the middle of August 1939 did not make a final decision. Another conclusion, which is made by the author on the basis of analysis of the alternatives of 1939 is that the Molotov-Ribbentrop Pact did not influence decisively Hitler's decision to attack Poland and unleash the Second World War.

Key words: the policy of appeasement, guarantees, talks, European crisis, government.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. F. 0122. Op. 23. D. 7. P. 183. L. 25 (dalee — AVP RF).
2. AVP RF. F. 06. Op. 1. D. 66. P. 7 L. 21-22.
3. Berezhkov, V. (1998). *Rjedom so Stalinym*. Moskva: Vagrius.
4. *God krizisa 1938-1939. Dokumenty i materialy*. (1990). T. I. Moskva: Politizdat.
5. *God krizisa 1938-1939. Dokumenty i materialy*. (1990). T. II. Moskva: Politizdat.
6. *Dokumenty vneshnej politiki. 1939 god*. (1992). T. XXII. Kn. 1. Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija.

7. Ivanov, A. G. (1993). *Agressory i umirotvoriteli. Gitler, Mussolini i britanskaja diplomatiya*. Moskva: Nauka.
8. Ivanov, A. G. (2010). *Pochemu ne udalos' sohranit' mir v 1939 godu*. SSSR i zapadnye derzhavy: trudnyj put' k partnerstvu i sojuzu (1939-1945 gg.). Sbornik statej. Moskva: MGOU.
9. Ivanov, A. G. (2013). *Evropejskij krizis 1939 goda i nachalo Vtoroj mirovoj vojny*. Moskva: MGOU.
10. Gromyko, A. A., Ponomarev, B. N. (red.) (1986). *Istorija vneshnej politiki SSSR 1917-1985. T. I. 1917-1945 gg.* Moskva: Nauka.
11. *SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroj mirovoj vojny (sentjabr' 1938 g. — avgust 1939 g.). Dokumenty i materialy*. (1971). Moskva.
12. Pankrashova, M. I. (1989). Anglo-franko-sovetskie peregovory 1939 goda. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 8.
13. Parsadanova, V. S. (1989). Tragedija Pol'shi v 1939 g. *Novaja i novejsaja istorija*, 5, 11-27.
14. Rzheshevskij, O. A. (1989). Moskva, Spiridonovka, 17. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 7, 72-81.
15. Semirjaga, M. I. (1992). *Tajny stalinskoj diplomatii 1939-1941*. Moskva: Vysshaja shkola.
16. Sidorov, A. Ju., Klejmenova, N. E. (2006). *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij 1918-1939*. Moskva: Centrpoligraf.
17. Evans, R. (2012). *Tretij rejh. Dni triumfa 1933-1939*. Moskva: Astrel'.
18. *Documents on British Foreign Policy 1919-1939*. (1951). Third Ser. Vol. IV. London: His Majesty station office (dalee — DBFP).
19. *DBFP*. (1953). Third Ser. Vol. VI. London: Her Majesty station office.
20. *DBFP*. (1954). Third Ser. Vol. VII. London: Her Majesty station office.
21. Douglas, R. (1986). *World Crisis and British Decline, 1929-56*. London: Macmillan.
22. Fleming, N. (1979) *August 1939. The Last Days of Peace*. London: Davies.
23. Mommsen, W. J., Kettenacker, L. (Eds) (1983). *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement*. London: George Allen & Unwin.
24. Public Record Office (Gosudarstvennyj arhiv Velikobritanii). FO № 371/22966. P. 124 (dalee — PRO).
25. PRO. FO 371/22958. P. 228.
26. PRO. FO 371/22967. PP.108-110, 112, 114-115, 230.
27. PRO. FO 371/22968. PP. 24, 54, 58, 63-64, 237-238, 251, 259-260.
28. PRO. FO 371/22970. P. 99.
29. PRO FO 371/22972. PP.107, 112, 160.
30. PRO. FO 371/22973. PP. 62, 134-135, 155.
31. PRO. FO 371/22990. P. 299.
32. PRO. FO 371/23065. P.204,206.
33. PRO.FO 371/23070. PP. 152,153,160-161.
34. PRO.FO 371/23071. P. 233.
35. PRO FO 371/23685. PP. 4,5,15.